

УДК 903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.5.178.191>

ВЫДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЭЛИТ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ С ПОЗИЦИЙ ФОРМ СОЗНАНИЯ

© 2022 г. В.И. Кузин-Лосев

В статье предлагаются новые подходы, связанные с выделением внутри культур эпохи бронзы Северной Евразии социальных страт элитариев по ряду своеобразных критериев. Элита общества с определенного исторического этапа является носителем специфических форм сознания, а вслед за этим и потребителем совершенно новых знаковых систем и культурных форм. Обращение к различным формам культуры позволяет выделить внутри общества ряд критериев, по которым выявляются отдельные социальные группы с разными ментальными парадигмами. По археологическим материалам Северной Евразии класс элитариев впервые выделяется в майкопской культуре. Ключевое место в статье принадлежит семиотическому анализу археологических материалов деструктивного периода перехода от эпохи средней бронзы к поздней. Обращение к культурно-историческим процессам в эпоху бронзы степного ареала Восточной Европы и Приуралья позволяет констатировать присутствие нескольких субкультур в рамках единой культуры. Структурные образования субкультур рассматриваются как взаимодополняющие друг друга. Таким образом, в работе разбирается один из аспектов древностей степной Евразии в пределах новой археологии.

Ключевые слова: новая археология, знаковые комплексы, семиотика древности, эпоха бронзы, социальная элита, ментальные парадигмы, демография и теория информации.

HIGHLIGHTING OF NORTHERN EURASIA SOCIAL ELITES FROM THE POSITION OF CONSCIOUSNESS FORMS

V.I. Kuzin-Losev

The author suggests new approaches related to the identification of elitist social strata within the Bronze Age cultures of Northern Eurasia according to a number of unique criteria. The elite of society from a certain historical stages was the bearer of specific forms of consciousness, and after that, the consumer of completely new sign systems and cultural forms. The appeal to various forms of culture allows us to identify within society a number of criteria by which individual social groups with different mental paradigms are identified. According to the archaeological materials of Northern Eurasia, the class of elitists is first revealed in the Maikop culture. The key place in the article is the semiotic analysis of archaeological materials of the destructive period of transition from the Middle Bronze Age to the Late Bronze Age of Northern Eurasia. The reference to the cultural and historical processes in the Bronze Age of the Eastern Europe steppe area and the Urals allows the author to state the presence of several subcultures within a single culture. Structural formations of subcultures are considered as complementary to each other. Thus, the work deals with one of the aspects of the antiquities of steppe Eurasia within the new archaeology.

Keywords: new archaeology, key complexes, semiotics of antiquity, the Bronze Age, social elite, mental paradigms, demography and information theory.

Введение

Периодически в любой науке возникает затруднительная ситуация, требующая выхода из сложившихся научных парадигм. Невозможность в пределах традиционной археологии решать общеисторические проблемы прошлого приводит к постоянному поиску новых подходов и все большему междисциплинарному сотрудничеству. В какой-то момент взаимодействие археологии с гуманитарными науками испытывает трудности и сопровождается противоречиями неразрешимого характера. В изучении древностей эпохи бронзы Северной Евразии пусть с трудом, но

формируется новое направление, для которого область исследований находится вне традиционных подходов.

Превратившись в самостоятельное направление, новая археология к настоящему времени обладает уже сложившейся научной традицией. Монографии Л.С. Клейна и И.А. Шутелевой, вышедшие в 2009 г. и 2010 г. соответственно (Клейн, 2009; Шутелева, 2010), подводят своеобразный итог теоретическому развитию методологических идей новой археологии. Л.С. Клейн в своей книге сосредоточился на 60–70 годах XX в., работа И.А. Шутелевой более широкая по времен-

ному охвату и захватывает собой частично постпроцессуализм. Указывая на ощущение кризиса и разочарование в новой археологии и затрагивая ее перспективы, Л.С. Клейн пишет, что пора «подвести черту и сделать следующий рывок вперед» (Клейн, 2009, с. 326). Неудовлетворенность возможностями интерпретации археологических источников в рамках методологических приемов процессуальной археологии привела к появлению иных направлений. Подходы, предложенные Яном Ходдером, позволили вывести интерпретацию археологического материала на новый уровень, и ему принадлежит особое место в формировании отдельного самостоятельного течения в пределах новой археологии. Дальнейшее развитие идей постпроцессуальной археологии о большой роли духовного начала в общественных трансформациях древнего общества привело к концепции неолитической «революции символов», связанной с ментальными подвижками в общественном сознании, – проблеме, затронутой в работах Т.В. Корниенко (Корниенко, 2014, 2016).

Необходимо отметить, что в советской семиотике вопросы, связанные с неолитической революцией в ее знаковых и символических выражениях, решались в пределах московско-тартуской семиотической школы раньше идей Я. Ходдера. Небольшая работа В.Н. Топорова «Древнебалканская неолитическая цивилизация. Общий взгляд», опубликованная в 1986 г., и в настоящее время не утратила актуальности и методологической важности относительно понимания природы знаковости и символики неолитических культур (Топоров, 1986). В этом же ряду стоит его статья о знаке, его ритуальных и смысловых локусах в пределах древней индоевропейской традиции (Топоров, 1991). Следует отметить работу Вяч.Вс. Иванова 1979 г., в которой разбирается искусство и религия Чатал-Гююка и Хиджалара, в том числе в их связи с символами и знаками (Иванов, 1979, с. 13–23, 28–38). Работы Вяч. Вс. Иванова, Т.В. Цивьян и ряда других представителей советской семиотической школы, посвященные изучению балканской модели мира, выявляют архаические пласты знаков и семантем культурного мира Балкан глубокой архаики. К сожалению, данные разработки во многом остаются невостребованным постсоветским археологическим сообществом, занимающимся изучением духовного мира эпохи раннего металла. Определенные подвижки начали происходить в последние десятилетия, что во многом было связано с подключением

Вяч.Вс. Иванова к археологической проблематике индоевропейских древностей Северной Евразии (Иванов, 1999).

Методы и материалы исследования

В России, а затем в СССР сложилась устойчивая традиция изучения сознания человека через воспроизведение им действительности с помощью знаковых систем. Первоначально Л.С. Выготский сформировал представления о человеке как о физическом и социальном объекте, способном к знаковости и символизму, а его ученики Л.Н. Леонтьев и А.Р. Лурье развили данные идеи, переведя их в историко-культурную область. По Л.Г. Выготскому, для человека овладение знаком и символом превращается в способность к опосредственности, где опосредственность предполагает подмену предмета, вещи или просто реально существующих явлений некими образами и знаками. Перевод явления мира в знак неразрывно связан с моделированием, например, в той же ситуации взаимоотношений знака с другим знаком. Кроме того, знак оформляет среду, пространство (в его широком понимании слова), которое окружает человека (Салмина, 1994). Когда же речь идет об искусственных компонентах культуры, созданных человеком на протяжении большого исторического пути, совершенно необходимо при реконструкциях и интерпретациях учитывать особенности трансформации мышления во времени. Ментальность по своей природе обусловлена характером исторических эпох, и данное положение является базовым. Рассмотрение ментальности с позиций исторической стадильности приводит к тому, что смена исторических эпох выступает чередой различных форм общественного сознания. В работах В.С. Библера процесс формирования мышления в истории человечества, рассмотренного через призму смены качественно разных операциональных структур и типов культур, получил обоснование в системе «диалога культур». В его понимании тип мышления характеризуется особыми знаково-символическими системами и принципами построения текстов, отражающих основы мироустройства и бытие человека в мире (Салмина, Звонова, 2018, с. 32–33).

В советской археологии вопросы мировоззрения древних народов занимали свое важное место. Достаточно назвать такие имена, как Б.Ф. Поршнев, Е.В. Антонова, Е.Е. Кузьмина, Д.С. Раевский, Г.А. Федоров-Давыдов. Проблемы специфики сознания древнего населения степей Евразии затра-

гивались археологами в той или иной мере. Особенно это относится к скифо-сибирскому миру, где работам Д.С. Раевского, Е.М. Кузьминой, П.К. Дашковского принадлежит особое место. Относительно эпохи раннего металла и бронзы всё обстоит сложнее. Попытка путем изучения погребального обряда понять ментальность людей эпохи бронзы Казахстана была предпринята Э.Р. Усмановой (Усманова, 1995, с. 171–176). Однако, как было справедливо подмечено, отсутствие методологической основы и неразработанность методики для такого рода исследований позволили ей получить весьма ограниченные результаты, и они относились больше к специфике погребального обряда представителей федоровской и алакульской культур, чем их ментальности (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 119). Ю.И. Михайлов относительно сознания древнего населения степей выбрал оригинальный подход, связанный с «портретированием культуры» (Михайлов, 2001). Серия работ П.К. Дашковского (Дашковский, 1999, 2000, 2002) и совместная его работа с А.А. Тишкиным (Тишкин, Дашковский, 2003) были, по сути, первыми, в которых вопросы ментальности древних народов Северной Азии получили достойное освещение. П.К. Дашковский в своих научных работах предложил целостное методологическое обоснование путей изучения древней ментальности кочевников, проделав перед этим большое историографическое исследование (Дашковский, 2011). Заслуживает внимание с методологических позиций работа А.Б. Островского относительно изучения менталитета в традиционной бесписьменной культуре с позиций структурно-семиотического подхода (Островский, 1996). Необходимо отметить статьи Е.Н. Черных, опубликованные в 1982 г. (Черных, 1982а, 1982б), о рациональном и иррациональном в древних культурах.

Основные положения

В археологии Восточной Европы и Сибири общепринято выделение социально значимых признаков в зависимости от особенностей погребального обряда. Подобная методика позволяет добиться результатов при реконструкции социальных структур древних обществ и потому остается востребованной до настоящего времени. В своей работе хотелось бы обратиться к социально-общественным системам степной Евразии эпохи бронзы через описание механизма формирования элитариев как группы людей, наделенных особыми формами сознания. Исходным будет

положение, что особенности сознания неизбежно проявляют себя в культурных формах и явлениях, закрепляясь в знаковых системах культур.

Степень развитости сознания неотделима от способности к символизму и отвлеченной понятийности. Исторически известно, что овладение символическим типом сознания относится к узкой группе элиты общества. Даже в современном высокоцивилизационном обществе навыками символического и понятийно-абстрактного мышления обладают далеко не все люди, а в нынешних условиях деградации образования и общества разрыв социальных групп по ментальным способностям особо заметно. С какого-то исторического периода элита общества становится носителем специфического мышления, а вслед за этим и потребителем неизвестных ранее культурных форм, какими являются в том числе произведения искусства.

Начиная с периода формирования сложных обществ типа чифдома или «высокого варварства», фиксация новых социальных страт происходит не в последнюю очередь благодаря появлению в культурах высокохудожественных образцов искусства. Именно с этого периода наблюдается разделение культуры на «высокую» и «низовую». Ю.Е. Березкин для древних обществ специально выделяет драгоценные металлы и высококачественную керамику, вообще «предметы искусства» в качестве критериев для идентификации усложненных социополитических организаций. Как он отмечает, для создания подобных изделий требуется профессиональная квалификация мастеров (Березкин, 2014, с. 193).

Относительно Северной Евразии о появлении высокохудожественных изделий и слоя элитариев с уверенностью можно говорить начиная с майкопской культуры. В майкопских памятниках впервые появляются драгоценные вещи, к которым применимо определение произведений искусства. Р.М. Мунчаева полагает, что золотые кольца в майкопских погребальных комплексах были продукцией местного производства (Мунчаев, 1975, с. 407). Данную точку зрения поддерживает В.М. Массон (Массон, 1997, с. 76). Мастера ни одной культуры Европы или Ближнего Востока не проявили такого искусства в формовке сосудов из меди и бронзы, как майкопские (Рындина, 2017). Признаки высокотехнологического ремесла помимо металла наблюдаются также в керамическом производстве (Бобринский, Мунчаев, 1966; Мунчаев, 1975,

с. 373–375). Специализированное производство во многом было ориентировано на социальные верхи общества. Только узкий слой элиты мог себе позволить высококачественные и дорогие предметы и образцы искусства.

Неординарные для своего времени погребальные памятники типа Майкопа с обильными драгоценностями внезапно появляются и бесследно исчезают. Очаговый характер майкопской культуры присущ и неординарному Варненскому могильнику, отмеченному вещами из драгоценных металлов, который также находился в отдалении от древневосточных центров цивилизаций (Черных, 1982б; Черных, 2013, с. 130–135, 162–167). Данное явление достаточно примечательно, чтобы не обратить на себя внимание. Историческая судьба майкопской культуры позволяет ставить вопросы о динамике социальных процессов в обществах эпохи раннего металла и бронзы Северной Евразии.

Появление элит, если брать процесс в историческом разрезе, процесс не безусловный. Элиты могут возникать и исчезать, заменяясь новыми, что не раз фиксируется в истории. Майкопская культура в этом плане интересна тем, что она свидетельствует об отсутствии социальной регенерации элиты общества в историческом будущем. Социальные верхи общества могут вслед за всей культурой менять свое культурное окружение – видоизменение культурных форм вполне возможно и даже ожидаемо для больших исторических периодов, но содержательно в пределах культуры должна сохраняться некая субкультура знати, противостоящая остальной массе соплеменников. Как раз отсутствие преемственности в продолжении традиций изготовления предметов высокохудожественного искусства в постмайкопское время, пусть и в иной художественной манере, позволяет говорить об отсутствии элитариев в обществах Предкавказья в более поздние времена.

Вполне очевидно, что для существования элиты требовались условия, в которых мог бы быть востребован новый тип личности с новыми формами мышления. Должна была сформироваться устойчивая человеческая среда, которая обладала бы ушедшим от мифопоэтической архаики сознанием. Можно констатировать, что в майкопском обществе не было мощного слоя носителей специфического сознания понятийно-отвлеченного характера (об абстрактном сознании в данную историческую эпоху говорить не приходится). Массовое сознание оставалось в рамках

мифологического типа, и лишь отдельные представители социума начинали нарабатывать навыки нового осмысления мира. Неудивительно, что исчезновение в древнейших обществах узкого слоя элитариев приводило к общей архаизации культуры и общества. Или, в более привычных терминах, наблюдается общественно-социальная регрессия и возвращение к более простой родо-племенной системе отношений.

Майкопская культура на протяжении долгого времени оставалась в Северной Евразии уникальным явлением. Вплоть до скифо-сарматского времени здесь не встречаются высокохудожественные произведения искусства из драгоценных металлов и высококачественной керамики, пусть и в качестве импорта. Вся эпоха бронзы Северной Евразии прошла под знаком родового общества. Ямная культурно-историческая общность, афанасьевская культура, свита катакомбных культур, бабинская, срубная, сабашиновская, андроновские культуры демонстрируют унификацию и бедность погребального обряда, монотонность предметного культурного ряда, не сопоставимые с майкопскими памятниками типа кургана Ошад и Старомыштакского клада. При всей невыразительности культур эпохи бронзы все же есть признаки, позволяющие заметить начало изменчивости древних обществ в сторону становления класса элитариев со специфическими формами сознания задолго до скифо-сарматского периода.

С конца средней бронзы в восточноевропейском регионе от Северского Донца до Урала начинается трансформация степного культурного мира. Помимо смены археологических культур при переходе к поздней бронзе изменения коснулись идеологической надстройки. В катакомбной культуре смысловая система оставалась в достаточной степени архаичной, что видно по актуальности для нее мифологемы «демиурга» (Кузин-Лосев, 2007, с. 189–192). С её финалом на смену старой смысловой системы приходит совершенно новая.

После открытия Синташты (Генинг, 1977, 1992) и выхода книги К.Ф. Смирнова и Е.Е. Кузьминой (Смирнова, Кузьминой, 1977) проблематика переходного периода, часто называемого деструктивным, постоянно находится в центре внимания археологов. Все новые археологические открытия увеличивают источниковую базу и расширяют наши представления об этом историческом периоде.

К настоящему времени понятен его характер. Отношения между племенами в рассматриваемый период были достаточно непростыми и носили нередко эскалационный характер, о чем свидетельствуют Пепкинский курган, Ливенцовская крепость, сеть крепостей-поселений на Южном Урале, появление в захоронениях оружия. Среди всего массива погребений степного пространства от Урала до Среднего Дона присутствуют неординарные комплексы, относящиеся к воинской знати, элитариям. Показателен также элитарный характер сеймино-турбинских памятников (Черных, Кузьминых, 1987, с. 84–105).

Параллельно с нарастанием тенденций культурного разнообразия в степной ойкумене формируются общие, надкультурные компоненты – явление, получившее название «космополитизма» и характерное для социальной верхушки общества (Бочкарев, 1991). Одновременно происходило распространение новых культурных достижений, потестарных систем и, что особенно важно для нас, идеологических систем, придававших наступающей эпохе особое своеобразие (Черных, 1989, с. 21–29; Дремов, 1997; Гончарова, 1999, с. 347). На примере памятников Нижнего Поволжья делается вывод о переходе в данный период людей от магического культа к религиозным представлениям, что повлекло за собой быстрое формирование новых культурных традиций, которые способствовали появлению, в частности, срубной культуры (Дремов, 1997)¹.

Сопоставление западной и восточной частей региона в деструктивный период между двумя эпохами (средней и поздней бронзы) позволяет сделать ряд важных наблюдений. Элиты бабинской культуры и соседнего ей восточного региона отличаются между собой знаковыми комплексами. Обращение к семиотическим системам культур эпохи бронзы позволяет описать данное явление.

Своеобразие бабинского погребального обряда состоит в отсутствии практики помещения в могилы конской узды, колесниц, как это было в соседних восточных культурах. Объяснение этому лежит в механизме функционирования смысловых парадигм двух блоков культур – данная проблематика была разобрана в отдельной статье (Кузин-Лосев, 2011, с. 215–217). Бабинскую погребальную обрядность отличает видимый аскетизм. И вот на таком фоне выделяется одна специфическая особенность – в погребениях появляются ременные (или плащевые) пряжки.

Пояс в бабинской культуре, видимо, обладал статусным характером. Существуют комплексы, в которые наряду с пряжками помещали набор стрел: подобное погребение обнаружено в кургане «Беева Могила» недалеко от Горловки (Полидович, 1993, с. 80–82). Наличие в погребении стрел подтверждает воинский статус «людей с пряжками» бабинской культуры, и такие погребения относились к социальной верхушке общества. Сама традиция знаковой выделенности стрел в качестве инсигний власти восходит к позднекатамобной культуре (Смирнов, 1996, с. 121).

На себя обращает внимание факт изменчивости видов пряжек во времени. В бабинской культуре за две-три сотни лет сменилось четыре типа пряжек, что может быть расценено в том ключе, что почти каждое новое поколение имело свои предпочтения в оформлении внешнего вида данной категории изделий. Вкус к изменчивости вещей, фиксируемый по эволюции пряжек, отличается от стремления следовать устоявшимся традициям, что наблюдается в типах посуды и погребальной обрядности. Показательно, что аналогичные процессы заметны при анализе упряжи для колесниц (псалиев) у племен, обитавших восточнее бабинской культуры, аналогичные тенденции прослеживаются относительно роговых и костяных наконечников, колец, бронзовых ножей.

На себя обращает внимание изменчивость вкусов элиты общества во времени. Данному явлению вполне подходит определение «мода», и оно относилось к социальной элите общества. Подобные тенденции хорошо заметны на позднем этапе катакомбной культуры на примере изменчивости украшений, когда на смену стабильным видам шнуровых подвесок приходит их разнообразие в позднекатакомбный период, появляются заимствования из северокавказской культуры. Можно констатировать: общество в переходной период к поздней бронзе перестало быть консолидированным, из него выделились и оформились в отдельную социальную группу элитарии, маркированные особым знаковым комплексом. Таких элитариев отличает предпочтение к изменчивости форм предметного мира, что позволяет говорить о существовании особой ментальности у элиты общества. Для нас важен сам факт: за особенностями изменчивости узкой группы предметов с высоким социальным статусом, при устойчивости общекультурного фона, стоят специфические формы сознания людей.

Развитие российской археологии в последние тридцать лет позволяет ставить вопросы, ранее в принципе не решаемые в системе исторических древностей степной Евразии. В качестве одного из примеров новых возможностей, которые открываются в области изучения смыслов далекого прошлого, можно расценивать фиксацию разных *временных парадигм* (моделей) в обществах эпохи бронзы степной части Евразии. Д.Г. Зданович попытался обрисовать некую парадигму восприятия мира в азиатской архаике, в основе которой находились представления о зооморфных и антропоморфных образах космоса в их связи с временными и календарными системами, в частности, он остановился на ритуале ашвамедха (Зданович, 2007). Ашвамедху в контексте степных древностей Северной Евразии специально рассматривает И.В. Ковтун (Ковтун, 2011, с. 62–65; 2013, с. 139–142).

Описание двух временных парадигм в пределах единой культурной традиции возможно на основе динамики изменчивости предметных форм и декора вещей. Такая понятийная категория, как «время», становится реальностью для социальной элиты, тогда как масса рядового населения продолжала следовать мифопоэтической традиции восприятия действительности. Подобные процессы хорошо диагностируются по эпосу как особому историческому жанру. Ценность эпоса состоит в том, что по нему прослеживается, как новое сознание оперировало временной перспективой, иногда закрепляясь в виде генеалогий героев. Генеалогии были простейшего вида историями с выраженной временной перспективой. Параллельно происходили изменения в морально-этической шкале ценностей: у героев, ведущих свое происхождение от богов и легендарных царей, появляется презрение к черни, не знающей своего родства. Это первый социальный раскол общества, заданный ментальными структурами, а не системой кровнородственных отношений.

Объективные характеристики времени: непрерывность череды событий, вектор событий только в одну сторону без возможности возвращения в прошлое, умение планировать и тем самым управлять временными характеристиками (моделирование будущего)² — оказывались в культурном багаже социальной элиты. Элитарии начинают осваивать приемы анализа фактов действительности в их реальной естественной связности, а не в преде-

лах мифологических схем. Представители субкультуры, попадая в систему отношений, нацеленную на познание логики событий на основе внутренней канвы происходящего, неизбежно оказывались в логике причинно-следственных связей, а не подобия на основе тождественности. Овладение причинно-следственными связями в осмыслении событий приводило к тому, что формировалась особая модель мира, пусть пока еще сильно мифологизированная.

Новые ментальные качества элиты общества были востребованы в непростых условиях исторического периода, отмеченного военными столкновениями, перемещениями, взаимодействиями с инокультурной средой. Сила вновь нарождавшейся элиты состояла в ментальности, в способности оценивать действительность с позиций причинно-следственной логики, что повышало выживаемость коллективов.

Появившаяся субкультура элитариев выполняла еще очень важную для общества задачу по смягчению для культуры и ее представителей давления действительности в пределах информационной аномалии. С точки зрения теории информации, субкультура, помимо отсеивания негатива, выполняла своеобразную функцию *культурного кода*, через который осуществлялось проникновение в нее новых сообщений и сведений об окружающем мире.

Под напором информационного взрыва происходит естественная дестабилизация семантизированной области культуры. Дестабилизация старой смысловой области сопровождается взаимосвязанными явлениями: возникновением новых текстов культуры, знаковых систем, иногда моделей культуры. Именно в культурном мире элиты происходило накопление разного рода новых «текстов», будь инокультурные заимствования или вновь созданные, новые модели поведения, в нашем случае воинского типа. За счет новых текстов и моделей, аккумулированных в субкультуре элиты, происходило увеличение резервных возможностей всей культуры и всего общества, обеспечивая ему необходимый запас прочности.

Последствием формирования отдельной субкультуры элиты было размывание единства общества и обособление отдельных социальных групп друг от друга, неизбежно возникали некоторые трудности в процессе коммуникации между соплеменниками. Для компенсации такого рода негативных момен-

тов подсознательно формировался особый культурный механизм. Он предполагал включение всех социальных групп в более сложное образование – в высшее единство. Такой механизм обнаруживается на языковом уровне, где функционировал особый язык и особый «текст культуры», которые поднимались над остальными и обладали общекультурным статусом.

Материализацией метаязыка культуры в осязаемом виде было появление или грандиозных обрядов как по своему внешнему, так и по содержательному всекосмическому охвату, или возведение архитектурных построек опять же космологического содержательного уровня, требовавших концентрации усилий всех членов общества. Следы величественных построек или следы больших жертвоприношений свидетельствуют не только о выделении в обществе социальных страт. Обнаруживаемый циклопизм представляет собой особую языковую систему, поднимающуюся над всеми субкультурами общества и базирующуюся на своей особой семантической системе, а именно религии. Данные наблюдения позволяют ставить вопрос о существовании жречества. При отсутствии письменных источников с трудом можно делать предположения только на археологических материалах о характере взаимоотношений жрецов и общества, а также ответить на вопрос: была ли эта социальная прослойка избираема из числа жителей либо имела передающиеся по наследству функции (Куприянова, 2019, с. 29–30).

С позиций семиотики в культуре фиксируется несколько различных «моделей мира», относящихся к разным социальным группам. Как раз по материалам синташтинской культуры удается отчетливо проследить наличие отдельных субкультур со своими особыми семиотическими языками, а также отдельную надкультурную модель, которая поднималась над каждой из них и способствовала объединению людей в пределах одной культурной традиции. Такая надкультурная реальность превращается в своего рода идеальную модель общества. Идеальные модели иногда можно фиксировать по археологическим источникам. На основе анализа кладбищ представителей андроновской культуры реконструируется идеальная социальная реальность по представлениям андроновцев (Михайлов, 2004, с. 37–38). Более того, Ю.И. Михайлову удалось привязать контекст социальной реальности к мировоззренческим представлениям древнего населения, восходившим к эсхатоло-

гии. Планировка поселений типа Аркаима и Синташты, где жилища не выделялись своими размерами, было стремлением формирования идеальной социальной системы отношений в обществе (Кузин-Лосев, 2008, с. 283–285).

Обращение к судьбе синташтинской культуры весьма показательным с точки зрения неустойчивости социальных систем в исторической перспективе. При всей внешней яркости и самобытности сама культура исчезает, а вместе с ней и субкультура элиты теряет свои признаки, но не исчезает в обществе слой элитариев. Данное явление достаточно примечательно.

Окончание деструктивного периода и переход к эпохе поздней бронзы в Северной Евразии связаны с возникновением совершенно новых культурных миров: андроновского, срубного, сабастиновского. Со стабилизацией обстановки в степи и лесостепи Евразии сложилась культурно-историческая ситуация, диктовавшая свой круг проблем. На передний план выходила проблема осуществления коммуникационных контактов с носителями идентичной или близкой культурной традиции. Коммуникационные связи между людьми переносились из внешнего пространство во внутреннее. Это повлекло за собой сближение кодовых систем между территориально и культурно-исторически родственными анклавами, что и привело в итоге к оформлению андроновской, срубной и сабастиновской культур. В процессе такого сближения неизбежно происходило отсечение всего второстепенного и сохранение основополагающего в культуре. Отсюда упрощение всевозможных кодов культуры и унификация самой культуры. Как раз срубная и андроновские культуры дают показательные примеры изживания традиций более раннего времени и утверждения новой культурной парадигмы, открывавшей собой новую историческую эпоху.

Как нам представляется, в данных культурно-исторических процессах элитарии не исчезали – они приобретали новые качества. Верхушка общества в эпоху развитого этапа поздней бронзы превращается в носительницу жесткой семантизированнойности, а не проводником новшеств и инноваций. Повышенная строгость к следованию норме, общая семантизированнойность теперь в большей мере становились достоянием субкультуры социальных верхов, в то время как культурное пространство рядовых членов общества приобретало большую свободу от детерминированности. Произошла своеобразная инверсия страте-

гии смысловых парадигм социальных групп в сравнении с предшествующей эпохой. Всякого рода линейность, столь характерная для периода насыщенного историческими событиями и катаклизмами, но совершенно излишняя при стабилизации ситуации в Степи, оттеснялась на периферию культуры. Социальная элита теряла знаковый статус носителя «линейности» в знаковом выражении, но не теряла своего типа мышления, основанного на линейности причинно-следственного ряда. Новая элита превращалась в консервативную часть общества. Она застыла в состоянии своеобразного резерва культуры, который мог себя проявить в момент, когда сложившаяся традиционная система не справилась бы с неординарной исторической ситуацией. Именно это произошло при переходе к раннему железному веку.

Вполне логичен вопрос: в чем причины устойчивости вновь возникшей социальной системы отношений, предполагавшей существование различных социальных страт общества? Как видится, они связаны с ростом населения в восточноевропейских и южноуральских степях.

Пример неолитической революции на Ближнем Востоке показателен тем, какую роль сыграло увеличение народонаселения в общественном прогрессе и появлении урбанизированных центров, затем государственности. На роль демографического фактора обращает внимание В.М. Массон, оценивая историческую судьбу майкопской культуры (Массон, 1997а, с. 82–83). Существуют объективные трудности реконструкции на основе археологических источников демографической ситуации и влияния роста населения на социальные процессы. В рамках постпроцессуальной археологии зарубежные специалисты пытаются выйти на понимание структурных взаимосвязей между экономической, демографической и социальной подсистемами социума (Хофманн, Дяченко, Мюллер, 2016). В осмыслении данных процессов может помочь семиотика.

Динамику увеличения степного населения на протяжении эпохи бронзы Северной Евразии можно проиллюстрировать на примере Донбасса. В настоящем на территории Донецкой области, входившей ранее в СССР, известно более сотни исследованных в курганах погребений ямной культуры, катакомбных около 380, срубных более 1200. Данные цифры постоянно увеличиваются из-за археологических исследований, но даже в таком

виде они дают общее представление о динамике роста населения региона на протяжении всей эпохи бронзы. Можно говорить о своего рода демографическом взрыве в период поздней бронзы. Относительно срубной культуры, помимо погребальных памятников, очень высокая плотность населения наблюдается по поселениям, что фиксируется при сплошных археологических разведках.

Рост населения приводил к интенсификации хозяйства, что выразилось в формировании комплексного типа хозяйствования и в появлении специализированных поселков, что видно по Мосоловскому поселению на Среднем Дону (Пряхин, 1996), Безыменному II из Приазовья (Горбов, Усачук, 2000), Оло Хаз и Олаире из Башкирии (Усачук, Бахшиев, 2020, с. 74–75). И все же большое количество срубных поселенческих памятников – трудно объяснимое явление, не сводимое только к росту населения. У донецких археологов во время бесед возникла мысль о временном оставлении поселков и постепенном смещении населения в пределах долин рек и балочных систем. Интенсивное освоение территории возле поселений приводило к тому, что земли истощались и люди вынуждены были переселяться на новые земли (Горбов, 2000, с. 58). Возможно, что население через поколение, когда происходило восстановление биоценоза на старом месте, возвращалось в свои брошенные поселки. Раскопки поселений в Подонцовье на территории Донбасса фиксируют нередкие случаи перекрытия одних жилищ срубной культуры другими, что могло свидетельствовать о возвращении жителей на старые места обитания.

Рост населения неизбежно вызывает усложнение форм организации общества. Увеличение населения приводит к выработке адаптивных форм организации человеческих сообществ, иногда структурно сложных, обладавших особыми механизмами регулирования отношений между людьми. Отдельные подобные процессы описываются семиотикой.

При увеличении населения в эпоху поздней бронзы процесс коммуникации как внутри замкнутого сообщества, так и с соседями объективно приобретал усложненный вид. Искажение информационных потоков внутри сообщества при возрастании количества его участников было неизбежно. Как следствие, возникало недопонимание между людьми, что приводило к определенным социальным последствиям, в том числе к напряжению

внутри общества из-за появления разности во взглядах и суждениях людей. Одним из способов нивелировать накапливавшийся негатив в социуме была сегментация крупного сообщества – членение его на отдельные, замкнутые социально-корпоративные группы, касты. Дробление социума на группы сопровождалось резким сужением количества субъектов, охваченных коммуникационными связями, что снимало проблему искажения информации и приводило к адекватности ее восприятия. Таким образом, корпоративность позволяла уменьшить общее количество людей, которые тесно между собой взаимодействовали, сохраняя взаимопонимание между людьми и укрепляя личностные отношения. Раз возникнув в истории, социальные элиты степной Евразии закреплялись в структуре общества, приобретая в период демографического взрыва свои особенности.

Но вместе с этим возникала другая проблема. С появлением отдельных корпоративных групп теперь требовалось регулировать взаимоотношения уже между ними. Формы общественных организаций со сложной системой отношений между социальными образованиями могли иметь многообразный вид. Африка, где существовали позднеродовые общества, раннегосударственные образования и первичные «империи», дает в этом плане показательные примеры. Причем вся «ответственность» за функционирование сложных систем перекладывалась людьми на обезличенные структуры, а не на самих людей. Именно на корпоративные правила, на свод обычаев, который существовал в обществе, возлагалась ответственность за отношения между людьми. Как

пример, хорошо известные по этнографии употреблявшиеся в обиходе формулировки «так принято», «так было всегда», не вдаваясь в разъяснения. Правила могли быть освящены мифологической или легендарной традицией. Нарушить такую традицию для архаического сознания было невозможно.

Заключение

Впервые зародившись в майкопском обществе, социальная элита как историческое явление со временем исчезает. Новое ее формирование можно отнести к финалу средней бронзы. Рост населения и интенсификация контактов, происходившие в степной Евразии в конце эпохи средней бронзы и в деструктивный переходный период, сопровождались рядом исключительных явлений. В это время формируется на широком степном и лесостепном пространстве Евразии расширенная область коммуникаций с высокой степенью интенсивности. В обществах выделилась элита, чья сила состояла в ментальности и способности осмысливать окружающий мир с позиций мировоззренческих причинно-следственных связей. Ей противостояла остальная масса родственников, жившая по иным законам, иной схеме сознания и следовавшая традиционным мифопоэтическим нормам. Возник язык субкультуры верхушки общества. В пределах одной культуры существовало как минимум две культурные модели мировоззрения, а с учетом возникновения религии следует говорить о трех моделях. Выработалась новая социальная система, которая позволила в будущем, раннем железном веке, перейти к более усложненной организации общества с признаками первичной государственности.

Примечания:

<> Необходимо заметить, что на существование двух принципиально различных смысловых систем в эпоху ранних древностей Северной Евразии указала И.В. Калинина (Калинина, 1995). Правда, ее разграничение между двумя смысловыми системами относится к более раннему времени.

<> Гадания являются одним из проявлений направленности взгляда в будущность событий. Сознание нацелено уже не на повторение прецедента (мифо-ритуального плана), а на новое, неизведанное, поэтому пугающее человека. С позиций поиска следов данной ментальной парадигмы по археологическим источникам важно обращение не только к разного рода ритуальным комплексам, но и заслуживает внимания такое симптоматичное явление, как популярность наборов для гаданий, игр (в кости), тех же альчиков, чье количество резко возрастает в эпоху поздней бронзы (Стефанов и др., 2016, с. 232).

ЛИТЕРАТУРА

Березкин Ю. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187–217.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1966. С. 14–22.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК АН СССР, 1991. С. 66–75.

- Генинг В.Ф. Могильник Синташты и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. №4. С. 53–73.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало–Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 407 с.
- Гончарова Ю.В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии // *Stratum plus*. 1999. № 2. С. 336–349.
- Горбов В.Н. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 55–59.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н. Специализированный производственный комплекс на поселении бронзового века Безыменное-II // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Отв. ред. А.Н. Усачук. Донецк: Східний видавничий дім, 2000. С. 97–100.
- Дашковский П.К. Археология и психология: междисциплинарное исследование древних обществ // XIV Уральское археологическое совещание (21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. С.А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 131.
- Дашковский П.К. Некоторые аспекты структуралистского подхода К. Леви-Стросса к изучению феномена «mentalite» // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт.гос. ун-т, 2001. С. 52–54.
- Дашковский П.К. К вопросу об изучении ментальности кочевников Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, Ханты-Мансийск, 2002. С. 203–204.
- Дашковский П.К. Мировоззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.
- Дремов И.И. Материалы из курганов у с. Березовка Энгельского района и некоторые вопросы социо-культурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: ТОО "Орион", 1997. С. 146–165.
- Зданович Д.Г. Антропоморфные образы времени в культурах Азии // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. 2007. №3 (81). С. 86–93.
- Иванов Вяч.Вс. Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов // *Balkanica: Лингвистические исследования* / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1979. С. 5–38.
- Иванов Вяч.Вс. К вопросу о возможной лингвистической интерпретации открытия Аркаима и Синташты // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Региональные особенности в свете универсальных моделей / Ред. Д.Г. Зданович, Н.О. Иванова И.В. Предеина. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 45–48.
- Калинина И.В. Принципы функционально-типологического подхода в семантических исследованиях // АСГЭ. Вып. 32 / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. СПб: Государственный Эрмитаж, 1995. С. 7–12.
- Клейн Л.С. Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: ДонНУ, 2009. 393 с.
- Ковтун И.В. Сюжет сейминской композиции // Археология Южной Сибири. Вып. 25. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л.Н. Ермоленко. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 121–128.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Корниенко Т.В. Социокультурные трансформации северомесопотамского общества эпохи раннего неолита как важный этап на пути к цивилизации // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам) / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2014. С. 37–39.
- Корниенко Т.В. Развитие взглядов на интерпретацию символических объектов и ритуальных комплексов Передней Азии эпохи перехода к неолиту // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2016. С. 47–49.
- Кузин-Лосев В.И. Область смыслов, знаков, символов катакомбной культурно-исторической общности // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2007. С. 153–196.
- Кузин-Лосев В.И. Концепт истории и культура. Степи Восточной Европы в эпоху бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 3 / Глав. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 269–290.

Кузин-Лосев В.И. Художественный стиль изобразительного декора рогового предмета из окрестностей г. Димитрова // Археологический альманах. № 25 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: Бытсервис, 2011. С. 199–227.

Куприянова Е.В. Религия древнего Аркаима: факты и мифы. // Аркаимский мир: взгляд в прошлое. Сборник статей к 25-летию Заповедника «Аркаим» / Отв. ред. И.А. Валиахметов. Челябинск: Фонд «Наследие», 2019. С. 25–52.

Литвиненко Р.О. Костяные пряжки как хронологический индикатор для культур бронзового века юга Восточной Евразии // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейских степи и лесостепи. Вып. 2. (Воронеж, 30 сентября–02 октября 1996 г.). Воронеж, 1996. С. 46–50.

Массон В.М. Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб.: ИИМК РАН, 1997а. С. 124–133.

Массон В.М. Майкопские лидеры ранних комплексных обществ на Северном Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные и вопросы культурной трансформации) / Отв. ред. В.М. Массон. / Археологические изыскания. Вып. 46. СПб.: ИИМК РАН, 1997б. С. 60–84.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975. 414 с.

Островский А.Б. Структурно-семиотический подход к изучению менталитета в традиционной бесписьменной культуре // Актуальные проблемы изучения архаики. Вып. 7. Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 26–32.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Вып. № 2. Донецк: Лебедь, 1993. С. 35–98.

Пряхин А.Д. Мосоловский поселок металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 175 с.

Рындина Н.В. О технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. 2017. № 2. С. 101–118.

Салмина Н.Г. Концепция Л.С. Выготского и проблема развития символической функции // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 69–78.

Салмина Н.Г., Звонова Е.В. Развитие символической функции в концепции диалога культур // Вестник Московского университета. Серия XIV. Психология. 2018. № 2. С. 24–39.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; ИА РАН, 1996. 181 с.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 82 с.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., Коряков И.О. Эволюция древней игры в кости: источники позднего бронзового века // Stratum plus. 2016. № 2. С. 235–253.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Топоров В.Н. Древнебалканская неолитическая цивилизация (ДБН). Общий взгляд // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму / Ред. Вяч.Вс. Иванов, В.П. Нерознак, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1986. С. 12–15.

Топоров В.Н. Др.-греч. sēm- и др. (знаковое пространство, знак, мотивировка обозначения знака; заметки к теме) // Балканские чтения – 1. Балканские древности. Материалы по итогам симпозиума / Ред. Н.П. Гринцер, Т.В. Топоров, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1991. С. 3–36.

Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Коллекция костяных изделий с поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. №8 (2). С. 55–123.

Усманова Э.Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Культуры древних народов степей Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Матер. 3-й междунар. конф. «Россия и Восток. Проблемы взаимодействия». Ч. 5, кн. 1 / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 171–177.

Черных Е.Н. Гипотезы древней культуры // Знание–сила. 1982а. № 9. С. 32–34.

Черных Е.Н. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. 1982б. № 4. С. 8–20.

Черных Е.Н. Металл и древние культуры: узловыe проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука, 1989. С. 14–30.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 84–105.

Шутелева И.А. «Новая» процессуальная археология: история появления и развития, современное теоретико-методологическое наследие. Уфа: Китап, 2010. 120 с.

Хофманн Р., Дяченко А., Мюллер Й. Демографические тенденции и динамика социально-экономического развития в преистории: некоторые проблемы корреляции // Культурные взаимодействия. Динамика и смыслы / Ред. С. Церна, Б. Говедарица Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 193–198.

Информация об авторе:

Кузин-Лосев Валерий Иванович, старший научный сотрудник, Донецкий Республиканский краеведческий музей (г Донецк); msr.val@mail.ru

REFERENCES

Berezkin, Yu. 2014. In *Antropologicheskiiy forum (Forum for Anthropology and Culture)* (20), 187–217 (in Russian).

Bobrinsky, A. A., Munchaev, R. M. 1966 In Passek, T. S. (eds.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 108. Moscow: "Nauka" Publ., 14–22 (in Russian).

Bochkarev, V. S. 1991. In Masson, V. M. (ed.). *Sotsiogenez i kul'turogenze v istoricheskom aspekte (Sociogenesis and genesis of cultural in the historical aspect)*. Saint Petersburg: Institute for History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR, 66–75 (in Russian).

Gening, V. F. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–73 (in Russian).

Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei. Ch. 1. (Sintashta. Archaeological Monuments of Aryan Tribes in the Ural-Kazakhstan Steppes. Part I)*. Cheliabinsk: South Ural Book Publ. (in Russian).

Goncharova, Yu. V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 336–349 (in Russian).

Gorbov, V. N. 2000. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archaeology and ancient architecture of Left-bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidniy vidavnicхий dim" Publ., 55–59 (in Russian).

Gorbov, V. N., Usachuk, A. N. 2000. In Usachuk, A. N. (ed.). *Arkheologiya i drevnyaya arkhitektura Levoberezhnoy Ukrainy i smezhnykh territoriy (Archeology and ancient architecture of Left-bank Ukraine and adjacent territories)*. Donetsk: "Skhidniy vidavnicхий dim" Publ., 97–100 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 1999. In Grigor'ev, S. A. (ed.). *XIV Ural'skoe arkeologicheskoe soveshchanie (14th Ural Archaeological Conference)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ., 131 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2001. In Tishkin, A. A. (ed.). *Gumanitarnye issledovaniya na poroge novogo tysyachel'etiya (Humanitarian studies on the threshold of the new millennium)*. Barnaul: Altai State University, 52–54 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2002. In *Integratsiia arkeologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy (Integration of Archaeological and Ethnographic Studies)* 1. Omsk Khanty-Mansiisk, 203–204 (in Russian).

Dashkovsky, P. K. 2011. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy pozdney drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya) (The worldview of the Sayan-Altai nomads and adjacent areas of late antiquity and the Early Middle Ages (Russian historiography and modern studies))*. Barnaul: Altai State University (in Russian).

Dremov, I. I. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)* 2. Saratov: "Orion", 146–165 (in Russian).

Zdanovich, D. G. 2007. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University: History Series.)* 81 (3), 86–93 (in Russian).

Ivanov, V. V. 1979. In Tsiv'yan, T. V. (ed.). *Balcanica: Lingvisticheskie issledovaniya (Balcanica: linguistic studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–38 (in Russian).

Ivanov, V. V. 1999. In Zdanovich, D. G., Ivanova, N. O., Predeina, I. V. (eds.). *Kompleksnye obshchestva Tsentral'noy Evrazii v III–I tys. do n. e. Regional'nye osobennosti v svete universal'nykh modeley (Complex So-*

cieties of Cultural Eurasia in III–I millennia BC: regional specifics in the light of global models). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 45–48 (in Russian).

Kalinina, I. V. 1995. In Piotrovskii, B. B. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 32. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 7–12 (in Russian).

Klein, L. S. 2009. *Novaya arkheologiya (kriticheskiy analiz teoreticheskogo napravleniya v arkheologii Zapada) (New archaeology (critical analysis of the theoretical direction in the archaeology of the West))*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).

Kovtun, I. V. 2011. In Ermolenko, L. N. (ed.). *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 25. Kemerovo: Kemerovo State University, 121–128 (in Russian).

Kovtun, I. V. 2013. *Predystoriya indoariyskoy mifologii (Indo-Aryan Mythology: prehistory)*. Kemerovo: “Azia-Print” Publ. (in Russian).

Kornienko, T. V. 2014. In Gulyaev, V. I. (ed.). *Na poroge tsivilizatsii i gosudarstvennosti (po arkheologicheskim i inym istochnikam) (On the threshold of civilization and statehood (according to archaeological and other sources))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 37–39 (in Russian).

Kornienko, T. V. 2016. In Korobov, D. S. (ed.). *Razvitie vzglyadov na interpretatsiyu arkheologicheskogo istochnika (The development of views on the interpretation of the archaeological source)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–49 (in Russian).

Kuzin-Losev, V. I. 2007. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 153–196 (in Russian).

Kuzin-Losev, V. I. 2008. In Evglevskii, A. V. (ed.). *Strukturno-semioticheskie issledovaniia v arkheologii (Structural and Semiotic Studies in Archaeology)* 3. Donetsk: Donetsk National University, 269–290 (in Russian).

Kuzin-Losev, V. I. 2011. In Kolesnik, A. V. (ed.). *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 25. Donetsk: “Bytservis” Publ., 199–227 (in Russian).

Kupryanova, E. V. 2019. In Valiakhmetov, I. A. (ed.). *Arkaimskiy mir: vzglyad v proshloe (Arkaim world: a look into the past)*. Chelyabinsk: “Nasledie” Publ., 25–52 (in Russian).

Litvinenko, R. O. 1996. In *Dono-Donetskiy region v sisteme drevnostey epokhi bronzy vostochnoevropeyskikh stepi i lesostepi (Don-Donetsk region in the system of antiquities of the Bronze Age of the Eastern European steppe and forest-steppe)* 2. Voronezh, 46–50 (in Russian).

Masson, V. M. 1997. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye i voprosy kul'turnoy transformatsii) (Caucasian ancient societies during palaeometal epoch (early complex societies and the questions of cultural transformation))*. Series *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 46. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 124–133 (in Russian).

Masson, V. M. 1997. In Masson, V. M. (ed.). *Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla (rannie kompleksnye i voprosy kul'turnoy transformatsii) (Caucasian ancient societies during palaeometal epoch (early complex societies and the questions of cultural transformation))*. Series *Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys)* 46. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 60–84 (in Russian).

Mikhailov, Yu. I. 2001. *Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoy Sibiri (epokha bronzy) (The worldview of ancient communities in the South of Western Siberia (the Bronze Age))*. Kemerovo: “Kuzbassvuzizdat” Publ. (in Russian).

Munchaev, R. M. 1975. *Kavkaz na zare bronzovogo veka: neolit, eneolit, ranniaia bronza (Caucasus at the dawn of the Bronze Age: the Neolithic, Chalcolithic, Early Bronze)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ostrovsky, A. B. 2014. In Albedil, M. F., Savinov, D. G. (eds.). *Aktual'nye problemy izucheniya arkhaiski (Actual issues of the study of the Archaic period)* 7. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 26–32 (in Russian).

Polidovich, Yu. B. 1993. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological almanac)* 2. Donetsk: “Lebed” Publ., 35–98 (in Russian).

Pryakhin, A. D. 1996. *Mosolovskiy poselok metallurgov-liteyshchikov epokhi pozdney bronzy (Mosolovka settlement of metallurgists-foundry workers of the Late Bronze Age)*. Book 2. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).

Ryndina, N. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 101–118 (in Russian).

Salmina, N. G. 1994. In *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)* (5), 69–78 (in Russian).

Salmina, N. G., Zvonova, E. V. 2018. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIV. Psikhologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XIV. Psychology)* (2), 24–39. (in Russian).

Smirnov, A. M. 1996. *Kurgany i katakomby epokhi bronzy na Severskom Dontse (Barrows and catacombs of the Bronze Age on the Seversky Donets River)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and

Anthropology, Russian Academy of Sciences; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Smirnov, K. F., Kuz'mina, E. E. 1977. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii* (The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stefanov, V. I., Kuzminykh, S. V., Chemyakin, Yu. P., Koryakov, I. O. 2016. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 235–253 (in Russian).

Tishkin, A. A., Dashkovsky, P. K. 2003. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzreniy naseleniya Altaya skifskoy epokhi* (Social structure and system of worldviews of the Scythian era Altai population). Barnaul: Altai State University (in Russian).

Toporov, V. N. 1986. In Ivanov, V. V., Neroznak, V. P., Toporov, V. N., Tsiv'yan, T. V. (eds.). *Balkany v kontekste Sredizemnomor'ya. Problemy rekonstruktsii yazyka i kul'tury* (The Balkans in the context of the Mediterranean. Issues of reconstruction of language and culture) Moscow: "Nauka" Publ., 12–15 (in Russian).

Toporov, V. N. 1991. In Grintser, N. P., Toporov, V. N., Tsiv'yan, T. V. (eds.). *Balkanskije chteniya – 1. Balkanskije drevnosti* (Balkan readings – 1. Balkan antiquities). Moscow: "Nauka" Publ., 3–36 (in Russian).

Usachuk, A. N., Bakhshiev, I. I. 2020. In *Archaeoastronomy and Ancient Technologies* 2 (8), 55–123 (in Russian).

Usmanova, E. R. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Kul'tury drevnikh narodov stepey Evrazii i fenomen protogorodskoy tsivilizatsii Yuzhnogo Urala. Ch. 5, kn. 1* (Cultures of the Ancient Peoples of Eurasian Steppes and the Phenomenon of the Proto-City Civilization of the Southern Ural) Part 5, book 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 171–177 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1982. In *Znanie – sila* (Knowledge is power) (9), 32–34 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1982. In *Sovetskaja Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 8–20 (in Russian).

Chernykh, E. N. 1989. In Chernykh, E. N. (ed.). *Estestvennonauchnye metody v arkheologii* (Natural Scientific Methods in Archaeology). Moscow: "Nauka" Publ., 14–30 (in Russian).

Chernykh, E. N. 2013. *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira* (Cultures of the Nomads in the Megastructure of the Eurasian World) 1 Moscow: "Iazyki slavianskoj kul'tury" Publ. (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1987. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR). Series: *Arkheologiya SSSR* (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 84–105 (in Russian).

Shuteleva, I. A. 2010. *«Novaya» protsessual'naya arkheologiya: istoriya poyavleniya i razvitiya, sovremennoe teoretiko-metodologicheskoe nasledie* ("New" processual archaeology.: the history of its origin and development, modern theoretical and methodological heritage). Ufa: "Kitap" Publ. (in Russian).

Hofmann, R., Diachenko, A., Müller, J. 2016. In Stanislav Ţerna, Blagoje Govedarica (eds.). *Kul'turnye vzaimodeystviya. Dinamika i smysly* (Interactions, Changes and Meanings). Kishinev: Stratum Plus, 193–198 (in Russian).

About the Author:

Kuzin-Losev Valeriy I. Donetsk Republican Museum of Local Lore, Chelyuskintsev, Str., 189-a, 346330, Donetsk; msr.val@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2022 г.
Статья принята к публикации 01.10.2022 г.